

КРУГЛЫЙ СТОЛ: НАЦИОНАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА: УТРАТЫ И ОБРЕТЕНИЯ НА РУБЕЖЕ ТРЕТЬЕГО ТЫСЯЧЕЛЕТИЯ

«Круглый стол» явился логичным завершением работы семинара. На нем были подведены итоги обсуждения важнейших вопросов культурного развития народов Камчатки, обозначены дискуссионные проблемы, высказаны различные точки зрения.

В работе «круглого стола» приняли участие: доктор философии *Э. Кастен*, доктор исторических наук, профессор *Ю. В. Корчагин*; кандидат филологических наук, профессор *А. А. Гончарова*; кандидат педагогических наук, доцент *О. О. Киселева*; кандидат исторических наук, доцент *И. А. Яровикова*; аспирант *Е. В. Ковалева*; кандидат философских наук, доцент *В. В. Петрашева*; аспирант КГПУ *Е. П. Пронина* и др.

Э. Кастен

Этот семинар занимался вопросами сохранения и дальнейшего развития культурного многообразия народов Камчатки. При этом оказалось важным увязывать академическое знание и практический опыт местных специалистов, в результате чего развивался плодотворный диалог. Мы узнали, каким новым способом представители коренного населения в течение культурного возрождения интерпретировали культурные традиции и исторические источники; и как иногда применяли их для решения современных экономических, социальных и политических конфликтов. В центре внимания стояли специальные воспитательные программы, которые направлены не только на подготовку молодых людей к современной жизни, но и на сохранение особой культурной традиции народов Камчатки.

В связи с этим встаёт принципиальный вопрос о возможном культурном стандарте, который в прошлом часто связывался цивилизаторским прогрессом, призванным служить ориентиром воспитательной политики разных народов, причем собственные традиции часто не были приняты во внимание достаточным образом. Но как вообще

оценивать цивилизацию и прогресс? Относятся ли к этому особые формы знания коренных народов и их многоязычность (например, русский, эвенский и корякский языки), которые применяются и сегодня старым поколением коренного населения Быстринского района. Или же является знаком культурной дегенерации, если теряются культурная компетенция и связанные с этим духовные мощности, как это бывает у множества «цивилизованного» населения?

В то время как эволюционистские концепции предполагаемого совместного или даже закономерного развития человечества — как на западе, так и на востоке — часто служили колонизации и приспособлению этих народов к стандартам, которые были установлены извне, культурная антропология уже давно располагала и другими направлениями мышления, как, например, культурный релятивизм. Он исходит из того, что культурные феномены можно понимать и оценивать только в своем контексте. Такой теоретический подход, разработанный уже более 100 лет тому назад германо-американским этнологом Францем Боасом, представляет собой, по-видимому, подходящий исходный пункт для усилий, которые были здесь обсуждены и которые были направлены на сохранение культурного разнообразия. Ведь он исходит из понимания, что культурное своеобразие каждого народа представляет собой ценность, которую нужно признать и к которой следует проявить толерантность.

Культурному релятивизму, однако, иногда приписывают то, что он в отличие от эволюционизма менее имеет в виду важный феномен культурного развития или изменения, а тем более передает представление о «статистических» культурах. Хотя это в соответствующей теоретической дискуссии до сих пор часто не было ясно выражено, именно культурное разнообразие или контакты и встречи человека различного культурного происхождения являются предпосылкой инновации и культурной динамики. Именно из этого развиваются такие очевидные культурные синкретизм и варианты, которые демонстрируют свой характерный стиль по сравнению с другими культурными формами, как, например, сегодняшняя танцевальная культура народов Камчатки, на которую Александр Гиль в решающей мере накладывал свой отпечаток.

Но творчество вышеназванного исследователя Франца Боаса следует высоко оценивать не только из-за его важного теоретического вклада в дело сохранения культурного разнообразия народов Камчатки, чем мы здесь занимались, но в связи с тем, что он в свое время, 100 лет назад, организовывал Есуп-экспедицию по исследованию культур Северного Тихого Океана, исходным пунктом которой был Нью-Йорк и в течение которой в начале 20 века было разработано множество самых важных этнографических описаний Дальнего Востока России, как, например, сочинения В. Иохельсона и В. Богораза. И как мы все знаем, их записи в наши дни приобретают особо важное значение прежде всего для народов Камчатки и Чукотки в ходе их культурного возрождения.

Ю. В. Корчагин

Доктор Э. Кастен совершенно справедливо подчеркивает особую важность теории культурного релятивизма в качестве общетеоретического подхода к изучению традиционных обществ народов Севера. Этот подход получил широкое распространение в конце XX в. среди западных ученых-этнологов, изучающих развитие северных народов, в том числе народов Камчатки. В соответствии с данным подходом традиционные общества народов Севера рассматриваются как высоко развитые самобытные культуры, отношение которых к любым культурам мира не должно выражаться посредством понятий «примитивные» и «отсталые».

Так, американский ученый Р. Брейн отмечает, что уходит в прошлое тот взгляд, согласно которому только Запад представляет цивилизацию, а ее носители являются богом избранными народами. Он проводит мысль о том, что в настоящее время все большее распространение получает представление, что традиционные культуры так называемых «примитивных» народов также богаты и высокоразвиты, как и «цивилизованных» народов. Так, например, по сравнению с последними «примитивные» народы имеют ничуть не менее сложные и абстрактные космологические и мыслительные системы и не менее прекрасные произведения искусства. Р. Брейн видит опасность в том, что эти традиционные культуры могут превратиться в серую монотонную культуру, основанную на евро-американских, пан-русских или китайских идеях. К такому результату ведет экономическая и культурная нивелировка.

Мысль о равноправии технологических и племенных цивилизаций, к которым относятся народы Севера, характерна для позиции французского этнолога Ж.-Ф. Хелда. Он неоднократно подчеркивает, что племенные цивилизации являются очень богатыми и высокоразвитыми. Так, Ж.-Ф. Хелд отмечает, что народ догон в Мали пронес через века необыкновенно богатую цивилизацию, и указывает, что его космогония является более сложной, чем греческий пантеон или Ветхий и Новый Завет. Он подчеркивает несомненную ценность «нерентабельного мышления», которым обладают представители племенных цивилизаций. В свете всего этого Ж.-Ф. Хелд считает величайшей трагедией происходящий в течение многих веков процесс исчезновения племенных цивилизаций. Это ведет к единообразию мира, к человеческой энтропии.

Применение теории культурного релятивизма при изучении традиционных обществ народов Севера имело, прежде всего, то положительное значение, что это позволило отойти от привычных стереотипов, связанных с европоцентризмом. Эта теория дала возможность взглянуть на традиционные общества народов Севера под иным углом зрения. Она способствовала в известной мере преодолению отношения к ним как к «примитивным» обществам и позволила увидеть их ценность как самобытных цивилизаций, которые должны занимать равноправное положение по отношению ко всем другим цивилизаци-

ям. В свете этого любые преобразования, проводимые у северных народов с благими намерениями ликвидировать их «отсталость» и приблизить их к «прогрессу» и ценностям индустриальной цивилизации, уже не выглядели столь однозначно позитивно. Теория культурного релятивизма помогла понять, что для оценки этих преобразований требовалось гораздо более глубокое осмысление и тщательный учет всех факторов.

Ю. О. Новик

Проблема сохранения самобытных культур малочисленных народов Севера, в условиях, охвативших все стороны жизни людей модернизационных процессов, является теоретически дискуссионной и практически значимой. На протяжении XX в. в мировой гуманитарной науке она решалась в рамках разнообразных, порой взаимоисключающих друг друга теоретических ориентаций, прежде всего, таких как эволюционистские и неэволюционистские идеи культурной динамики; диффузионистские модели историко-культурного процесса; функционалистские теории культурной адаптации.

Эволюционизм, имевший сильную аксиологическую окраску и абсолютизовавший идею общности исторических судеб народов мира, фактически отказал традиционным северным культурам в «праве на будущее», оставив за ними единственную «привилегию» быть наглядным образом «детства» человечества, иллюстрацией к его доцивизованному прошлому. Противоположность прошлого /традиционного и будущего/ модернизированного отразилась в дихотомии слов «цивилизация» и «культура». «Первое...подчеркивало важность обновления, даже пусть и насильственно отклоняющего ход истории от пути природной жизни. Слово «культура», напротив, как будто возвращало к первым человеческим деяниям, к первой борозде, легкой тропинкой к культуре, но не уводящей от первоначального культа природы» (Культура: теории и проблемы. М., 1995. С. 14).

С позиции исторической школы в антропологии для понимания перспектив выживания традиционных северных культур важно отказаться от единства жизни как универсальной научной гипотезы, тем более, что, как показывает практика, социокультурная динамика не исключает возможности одновременного сосуществования на пороге нового тысячелетия разнотадимальных и разновременных исторических типов культур. Важно лишь понять, как долго будет сохраняться этнокультурное разнообразие, обеспечивающее вариативность жизни людей, ибо тенденции к унификации, стандартизации в современном обществе слишком сильны.

Диалектическое сопряжение *универсализма и индивидуализма*, общей направленности и разных путей движения культуры человечества позволяет найти синергетику. Ядром синергетического понимания историко-культурного процесса является нелинейный принцип его протекания. Развитие системы культуры протекает стихийно и зависит как от внутреннего состояния системы, так и воздействия окружаю-

шей среды. Необходимость повышения уровня самоорганизации системы культуры и сила случайностей обеспечивают переход от состояния временно обретенной стабилизации к хаосу, открывающему разные возможности поиска оптимальных путей выхода из кризиса к новому гармоничному состоянию. Только ход истории сможет показать в дальнейшем, какой из избранных и пройденных путей развития был удачным, а какой — бесперспективным.

К сожалению, синергетика, так же как и эволюционизм, в свое время, не дает оптимистических прогнозов относительно перспектив сохранения культур номадических народов. Показательны в этом отношении выводы российского ученого М. С. Кагана, звучащие вполне убедительно: «...культура скотоводческих племен оказалась в общей перспективе истории человечества *тупиковой формой* — ее пространство неумолимо сокращалось благодаря переходу кочевников к земледельческому, оседлому образу жизни, в наше время этот образ жизни сохранился лишь в узких локальных границах некоторых среднеазиатских, африканских и северных районов, но очевидно, что и у бедуинов, и у эскимосов, и у монголов он полностью отомрет в XXI в., потому что этот тип бытия не содержит потребности в развитии творческого потенциала человека, в рациональном познании им природы и самого себя, в образовании, в письменности, в городском образе жизни, в непрерывном совершенствовании общественного устройства, короче — не создает условий для *возвышения культуры на уровень цивилизации*» (Каган М. С. *Философия культуры*. СПб 1996, 341 с.).

Отдавая должное последовательности и аргументированности взглядов уважаемого ученого, хотелось бы не согласиться с мнением, что кочевой образ жизни не содержит возможностей творческой самореализации. Прежде всего, в случае с культурами северных народов, мы сталкиваемся с опытом духовного развития, иррационального постижения смысла бытия, интуитивного экологического поведения и это культурное наследие, может быть, и будет востребовано в будущем.

И. А. Яровикова

Прежде всего, мне хотелось бы поблагодарить всех организаторов этого научного семинара, который проходит в экологически чистом регионе нашей Родины, и особенно мне хотелось бы отметить удачное сочетание научных дебатов с выступлениями блестящих фольклорных ансамблей детей Севера. Дети Севера стали центром внимания всех выступлений, в том числе и присутствующих здесь местных краеведов, представляющих цвет коренных жителей Камчатки.

Мне хотелось бы в связи с некоторыми мыслями, прозвучавшими в их выступлениях, высказать несколько соображений.

Сейчас принято с какой-то необыкновенной лёгкостью «забывать» период советской истории или, в лучшем случае, его критиковать. Слов нет, много допущено было ошибок в национальной политике в СССР. Но верно одно — в эти прошедшие 70 лет все стали грамотными. А если человек владеет письменностью, то и его культура будет жить

хотя бы в устных сказаниях, предметах, ремеслах и т.п. Сейчас мы говорим о возрождении северных народностей.

После монголо-татарского ига Русь возродилась тоже стремительно и быстро, впитав в свою культуру язык и культуру других народов, влившихся в состав Московского царства. А затем от Михаила Романова, Алексея Михайловича Романова власть в России перешла к Петру Великому. Третье поколение Романовых сыграло решающую роль в её судьбе.

Из присутствующих здесь представителей местной интеллигенции большинство — кандидаты наук, их сейчас в наших национальных районах более 10 человек. Это после 1917 г. уже третье поколение, и мы думаем, что их вклад в воспитание детей Севера, в сохранение своей национальной культуры будет возрастать.

Исторический процесс этноистории не зависит от нас, эти процессы проходят на всем протяжении существования человечества. И мы с вами знаем, каким движением народов, их ассимиляцией отмечено развитие цивилизации. Но в наших условиях, когда возрождаются родовые промыслы, восстанавливаются истории родов камчатских коренных народов, дети впитывают в себя и свою древнюю культуру и приобщаются к великой русской культуре, а через неё к культуре всей цивилизации. С этим и будем жить. А присутствующей здесь интеллигенции пора подумать о написании истории коренных народов без отрыва этой истории от истории России.

А. А. Гончарова

На нашем семинаре не раз звучали такие слова, как *традиции, обряды, обычаи, национальные культуры и праздники*. Это и неудивительно, так как всех участников интересует будущее, жизнь наших детей. Но жизнь отдельного человека — мгновение, тогда как человеческая — бесконечна. Как и чем держится и держался человек на Земле — эти вопросы мы задаем себе, ответы на них ищем в прошлом, которое не исчезает бесследно, оно питает настоящее и дает основу для будущего.

Любое слово имеет свое семантическое значение, однако в разговоре, а порой и в научных сообщениях мы употребляем некоторые термины произвольно, порой не совсем оправданно расширяем или сужаем их смысл, тем более, когда речь идет о терминах широкого культурологического характера.

Мне не раз приходилось слышать призывы о сохранении национальных обрядов. В каком смысле можно говорить именно «о сохранении обрядов»?

Научное объяснение понятия «обряд» сводится в основном к следующему: это совокупность религиозных (сакральных) действий, вербальных и невербальных в их строгой последовательности, которые совершаются в определенное время, в отведенном для этого месте. В обрядовых действиях распределены все «роли», участники обрядовых действий их неукоснительно соблюдают. Самое главное в обряде, которое касается всех его участников, — религиозно-магическое значение

всего, что совершается. Наш предок пытался воздействовать таким образом на природу, на продолжение рода, поэтому обряд был связан с сущностью самой жизни; можно сказать, что обряд — это и была, по представлениям древних сама жизнь. Обряды пронизаны «всепроникающей сакральностью, абсолютной «прагматичностью».

Меня, как человека двадцатого столетия, которого, как и всех, коснулась цивилизация (ее разрушительная и созидательная сила), поражает, например, удивительная сохранность похоронных обрядов оленых коряков. Сегодня этот обряд можно записать, зафиксировать с мельчайшими этнографическими деталями.

Почему он сохранился? Его «участники» считают все свои действия магическими, верят, что эти действия имеют силу, смерть воспринимается как продолжение жизни и новое рождение.

В научной литературе об эвенах, например, указывается, что в древности они хоронили своих сородичей «на деревьях». В двадцатом веке в памяти эвенов не сохранилось таких сведений, а в архаических сказках (записанных тоже в двадцатом веке) реликты подобного можно встретить.

Если сегодня старшее поколение верит в силу своих обрядовых действий (при рождении ребенка, в моменты, связанные со свадьбой, похоронами), то не нужно объявлять это чем-то устаревшим, вредным, «реакционным» (как любили выражаться совсем недавно), пытаться искоренить, запретить, на что мы большие мастера.

В поведении современного человека многое объясняется не ситуативностью, современностью, а тем древним, что живет на генетическом уровне. Уже приводились примеры, как тяжело приживаться в интернате корякскому ребенку, который оказался вырванным не только из семьи, но и из особой «среды обитания».

Сегодня нужно понять, что задача творческой интеллигенции состоит в том, чтобы собрать, записать все, что сохранилось в памяти старшего поколения. И не просто фиксировать сведения, а обязательно спрашивать информанта, почему так делалось, как это объясняли раньше, что он сам думает по этому поводу и т. д. Записание текстов сказок, преданий, мифов, праздников и обрядов даст возможность постигнуть особенности древнего, архаического сознания и поможет понять, как и чем жил и живет человек.

О. О. Киселева

Выступающие в большинстве своем говорили о проблеме возрождения национальной культуры коренных народов Севера. Однако необходимо уточнить, о каких же процессах идет речь: о собственно возрождении или о реконструкции культуры? Одним из важных элементов национальной культуры является язык народа. Утрата языка, несомненно, ведет к распаду национальной культуры. Поэтому понятна озабоченность докладчиков, говоривших о необходимости сохранять язык народа. Вместе с тем, процессы естественной ассимиляции привели к тому, что язык эвенов, ительменов, коряков вымывается из

обихода. Дети говорят на русском языке, родители тоже. Общение со стариками-носителями языка происходит вне бытового жизненного контекста, в отсутствие традиционного жизненного уклада, который этот язык обслуживал. Восстановить традиции кочевого или обособленного семейного жизнеустройства в их исконном виде сегодня невозможно. Обучение же детей родному языку как иностранному (в детском саду, в виде освоения отдельных слов), фольклоризация церемоний, праздников, игр лишь имитирует символику культуры, не затрагивая собственно основы ее существования

Наверное, точнее было бы говорить о сохранении национальной самобытности коренных народов Севера и, в связи с этим искать основания уникальности этноса, а также способы их включения в современные процессы эволюции культуры.

Особую роль в развитии культуры коренных народов Камчатки играет образование. Рост национальной интеллигенции, расширение научного потенциала, увеличение количества учителей-представителей коренных народов Камчатки — одно из перспективных направлений развития культуры. Учитель же не только транслирует социокультурный опыт, но и помогает детям освоить способы взаимодействия с иной культурой, выживания в условиях разноэтничности при сохранении национальной индивидуальности.

Е. В. Ковалева

В выступлении О. О. Киселевой была подчеркнута особая роль образования и учительства в развитии культуры коренных народов Камчатки. В связи с этим мне хотелось бы остановиться на вопросе о способности учителей-представителей коренных народов Камчатки и личностному самоопределению в своей профессиональной деятельности.

Вопросы, связанные с самоопределением человека, издавна являлись темой исследований и дискуссий философов, социологов, психологов, педагогов. На современном этапе проблема самоопределения, по мнению специалистов в области гуманитарных дисциплин, становится общественной. Это обусловлено многими факторами, но среди основополагающих выделяются следующие: нарастание глобальных изменений в общественном и государственном строе, разрушение всевозможных барьеров, отделяющих социальное пространство России от мирового, что влечет кардинальные изменения в отношении человека к миру, к другим людям, к его профессиональной деятельности.

Самоопределение становится составной частью самых различных процессов, связанных с принятием жизненно важных решений, начиная от поиска новой работы, выбора сферы деловой активности в широком смысле слова. То, по какой траектории будет развиваться образование, во многом зависит от самоопределения учителя. Можно утверждать, что в сфере образования, наряду с традиционным процессом передачи знаний, происходит так же и другой процесс — передача способов самоопределения в той проблемной ситуации, в которой находится значительная часть граждан России и жителей Севера в том числе.

Проблемы развития северных районов Камчатки поднимаются на различных уровнях, каждая из них важна и актуальна. Но ни одну не разрешить без понимания того, что дети есть и будут главной заботой и ценностью мира. У всех детей, живущих на нашей Земле, есть много общего, но сегодня настало время показать то особенное, что мы можем наблюдать только у детей малых народов Севера. Главная цель этого акцента — сохранение культурного пространства, в котором живет и воспитывается подрастающее поколение. Новое поколение педагогов должно искать пути передачи культурного наследия своих народов в современных условиях. Но прежде учителю необходимо осознание безусловного принятия ребенка, который генетически имеет сильную привязанность к природе, занятиям своих предков. И в то же время живет ныне в совершенно ином, быстро меняющемся мире.

Ребенок как личность, как партнер, растущий человек, которому нужна помощь в адаптации и интенсивном развитии — это должно стать основополагающими принципами в восприятии ребенка, живущего в уникальных условиях Севера. Необходимо помнить, что развитие проблематично, если ребенок не адаптирован к меняющемуся миру.

При становлении учителя необходимо вызвать понимание общего и особенного в развитии детей Севера для их безусловного принятия. Поэтому новая проблема, встающая перед нами — подготовка и «взращивание» учителей, способных к доверительным отношениям с подрастающим поколением. Молодые люди, приезжающие учиться в Камчатский педагогический институт (ныне университет) с Севера Камчатки и заканчивая его, вновь едут в свои родные места, осознавая и понимая уникальность и в то же время общность своего народа с другими. Но, к сожалению, с каждым годом уменьшается количество молодых людей, приезжающих из удаленных уголков Камчатки обучаться на очном отделении педагогического университета. Эта еще одна из острейших проблем, к которой необходимо более пристальное внимание. Сегодня перед современным молодым человеком стоит множество проблем, решить которые он не может простым накоплением суммы знаний, умений, образцов и норм поведения. Социальные катаклизмы, информационный взрыв, размывание национальных перегородок, сближение различных культур иногда создают хаос, дисгармонию в сознании человека. Выжить сегодня он может, только самоопределяясь в культуре и в жизни.

Условием самоопределения является ориентация не на познание, а на понимание другого человека, других культур, общение с культурами разных времен и народов не как с низшими по сравнению с собственной культурой, а как с иными, но равными, подлинными, самоценными.

Услышать голоса других людей, представителей иной культуры, осмыслить и прочувствовать их ценность, их понимание смысла жизни, прислушаться к собственному внутреннему голосу, осознать себя, смысл своего существования и определить свое место в культуре, а, следовательно, в жизни — такова логика «становления» человека и тем более учителя, сегодня.

В. В. Петрашева

Разные точки зрения есть на культуру, жизнедеятельность и сам образ жизни народов Севера. Но одно несомненно — эти народы в течение тысячелетий могли осваивать свою эйкумену, создавать удивительные по простоте и уникальности, технологические решения для жизни в суровых условиях, развивали свой эстетический взгляд на мир. Так, Владимир Богораз — Тан, один из организаторов Института для народов Севера в Ленинграде, попав в ссылку в Чукотско — Камчатский край, был потрясен тем, что аборигенам судьба отвела на сотни и тысячи лет во владения целую «Вселенную снега», а Иосиф Биллингс охарактеризовал климат этого края как «совсем несносный».

Между тем культура северян приобрела специфические черты, которые определялись традиционными видами занятий и прежде всего добывающими промыслами — охотой, рыболовством, оленеводством, собирательством.

На пороге XXI в. актуальным является вопрос об устойчивом развитии народов Севера, их сохранении как этнических общностей, так как такие процессы, как ассимиляция, сселение с родовых мест с закрытием множества национальных сел, урбанизация катастрофически уничтожают своеобразный мир северного человека.

Проблемы культуры народов Севера, как и иных малочисленных народов планеты — это сложная проблема развития, охраны, поддержки и одновременно постоянного изучения этой культуры. Наш Международный семинар «Дети Севера — уроки культуры» показал, что одна из важнейших задач состоит в бережном отношении к эстетическому восприятию человека Севера. Создание этого неповторимого и оригинального жизнеутверждающего мира исчисляется не веками, а целыми тысячелетиями. Поэтому так важно сегодня не потерять связующие нити между прошлым и будущим.

Наряду с возросшим интересом к национальной культуре и потребностью в ее истинных истоках возникает и одно из тенденций в развитии художественного творчества народов Севера — утрата самобытности, стилизация и «размывание» социоэтнической культуры.

Для развития преемственности в освоении народной культуры требуется ориентация прежде всего на традиционную деятельность, которая, к сожалению, в условиях кризисных потрясений и перестроечной экономики не выдерживает никакой конкуренции, теряя всякую государственную поддержку

Е. П. Пронина

Исторический процесс неизбежен. Культуры многих народов имеют «жизненную силу» и развиваются. Есть культуры, которые растворяются в других культурах, давая жизнь новым (к примеру, камчадалы — это потомки русских и ительменов, создавшие особый говор русского языка — камчадальский, содержащий многие слова, выражения языка ительменов). К концу третьего тысячелетия встанет вопрос со-

хранения языка и культуры многих народов мира. Быть может, на таком же семинаре, как данный, в Эссо, ученые России, Германии, Японии станут обсуждать вопросы возрождения и сохранения родных языков: русского, немецкого, японского, — так как международным языком общения во всех сферах жизнедеятельности человека будет английский язык.

Культура малочисленных народов Севера особенно хрупка и уязвима. Если не предпринять огромных усилий ученых, энтузиастов, носителей культуры и языка малочисленных народностей Севера, в скором времени мировое сообщество потеряет большой пласт человеческой культуры — десятки северных языков, в числе которых будут языки коренных народов Камчатки. Нас наверняка можно посчитать национал — романтиками. Мы понимаем, что процесс утраты ценностей культуры наших северных народностей зашел слишком далеко, чтобы реанимировать их, но мы понимаем и то, что еще можно многое из традиционной культуры восстановить, сохранить, дать в новом качестве развитие. И мы можем и обязаны сделать все от нас зависящее.

Утрата родной культуры и языка нами, представителями национальной интеллигенции, понимается с болью. Как было видно из моего выступления, в настоящее время потеря родного языка коряками налицо: молодое поколение общается только на русском языке, общаясь со старшими, лишь единицы применяют родной язык. В большинстве своем молодые люди владеют лишь обиходными фразами, что совершенно недостаточно для сохранения языка.

Северяне, восприняв культуру народа более высокой общественной организации, более великого по количеству, — русского, — через русский язык приобщаются к мировой культуре. Учитывая малочисленность, поликультурные условия, в которых живут коренные народности Камчатки, процесс потери ценностей национальных культур неизбежен. Этот процесс ускоряется с каждым годом с уходом носителей традиционной культуры, людей старшего поколения, с утратой традиционных видов деятельности. Вопрос стоит в том, как продлить жизнь языкам коренных народностей Севера, как возродить культуру, чему из архаичных по своей сути культур дать жизнь и, обновив культуры в соответствии с современными условиями, не обезобразить их. Необходимо приложить максимум усилий, чтобы успеть зафиксировать то, что еще не потеряно, что живо в памяти народа, пока живы носители его культуры, чтобы оставить это ценное для будущих поколений, для мировой культуры. Народ, потерявший родной язык — средоточие всех явлений культуры, — может ли считаться этносом?

Русская интеллигенция всегда была просветительски настроена к коренным народам Севера. Наш семинар показал, сколь равнодушна современная камчатская научная элита к глобальной проблеме всех северных народностей, связанной с утратой родной традиционной культуры. Областной центр Петропавловск-Камчатский должен стать региональным центром науки. Здесь есть научные силы для создания

программы возрождения и развития национальных культур на государственном уровне. В частности, подпрограмма придания языкам коряков, чукчей, эвенов, ительменов жизненной силы, может быть выстроена по тем этапам, указанным в моем докладе с учетом предложений участников нынешнего семинара, носителей национальной культуры, представителей интеллигенции. Программа должна быть финансово защищенной. Без государственной поддержки воплотить такую программу в жизнь нам не удастся.